

# ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Евгений ВИНУКОВ

КТО-ТО хорошо сказал, что понятия — как печные трубы. Они засоряются время от времени, и их надо прочищать, чтобы они пропускали смысл. Так и случилось со словом «любовь». Уже много тысячелетий оно «гуляет» по страницам бесчисленного множества стихотворений, песен, рассказов, романов, и подчас так стирается, что затемняется его первозданный, истинный смысл. Оно превращается в штамп, в разменную монету.

То, что происходит в любовной лирике, в какой-то степени парадоксально. Тема эта в поэзии неозорима, существовала в ней вечно и, думаю, будет вечно существовать. Но это оборачивается не только одним благом для жизни. К любовной лирике обращаются тысячи стихотворцев, а в таком множестве, естественно, далеко не всякий искренен и талантлив. В огромном море лирики «любовь» очень часто предстает как нечто абстрактное, некое общее место. Недаром ведь Маяковский, который не любил шаблонов, стереотипов, когда был охвачен большим чувством, свою поэму назвал «Про это», стараясь избежать употребления самого слова «любовь», столь безбожно эксплуатируемого, захватанного множеством рук, потускневшего.

Настоящий поэт каждый раз дает этому слову новую жизнь. Как бы по-новому его озаряет, придает ему свежее, неожиданное звучание. Как это происходит? Дело-то ведь в том, что «любовь» — это вовсе не раз и навсегда данное состояние. Слово это я бы сравнил, если мне позволит, с одной и той же этикеткой, наклеенной на пузырьки с самыми разными жидкостями — от смертельного яда до целебного лекарства. Слово одно, а состояний, которые оно обозначает, бесконечное множество, и они должны быть предельно точно, я бы сказал, научно точно выражены. Есть «любовь», близкая к жалости, к похоти, к ревности, к ненависти, к привязанности, к дружбе, к страсти, к платоническому благоговению, к семейной привычке и так далее.

В хорошем стихотворении поэт схватывает самую суть своего ощущения, именно своего. Подчас одно из них становится главенствующим — в душе определенного человека в определенный момент, а потом, через какое-то время у этого же человека другая окраска, другая грань чувства засветится ярче. Оно всегда преломляется через своеобразный характер того, кто любит, и того, на кого это чувство направлено, через многие и всегда разные жизненные обстоятельства, в которых чувство зарождается и развивается. У него разные причины и разные следствия. Вот эти разнообразные оттенки чувства конкретного человека в конкретный момент и должна выявлять поэзия.

Это и отличает истинную лирику от неистинной — от декларативной, пустопорожней, риторической. Ведь как часто читаешь в стихотворении слово «любовь», и кажется, автор просто автоматически выкрикивает это слово, а надо, чтобы читатель еще и почувствовал, ревнует ли автор, страдает ли, ликует или боится потерять близкого человека, или жалеет его, или уважает просто. Но редко встречается в нынешней стихотворной продукции такая неприманная, незаштампованная любовь. А в любовной лирике штампы особенно неприятны, особенно раздражают. И спекуляция на этой теме отвратительна. Отвратительны пустые выкрики, фальшивые, однообразные «дежурные» восторги. И вот уже так часто повторяющееся это слово воспринимается истинным читателем лишь как назойливый шум. И хорошо еще, если именно так, с раздражением, воспринимается. Потому что это значит — у данного читателя есть вкус. А читатель невзыскательный, неопытный громкость, значность голоса стихотворца на эстраде принимает за искусство, «попадает» на удочку пустой болтовни, риторики.

Я думаю, что в воспитании вкуса и чувств читателя положительную роль может сыграть вышедшая в издательстве «Молодая гвардия» трехтомная антология «Песнь любви», составленная С. Магидсон, под общей редакцией Л. Озерова. Недавно вышел третий, заключительный том антологии. В трехтомнике собрана любовная лирика ста народов, созданная за 30 веков, в него вошли и знаменитые стихи, общепризнанные шедевры, и стихи мало известные широкому читателю. Во многих стихотворениях схвачено пережитое мгновение — человеком, чья сильная индивидуальность делает и чувство, и стихотворение неповторимым.

В антологии «Песнь любви» проявляется наглядно сила лирической

поэзии. В чем она, в чем секрет ее? Как происходит восприятие читателем лирических стихов? Поэт говорит от своего лица, но читатель как бы подставляет свое «я» под «я» поэта. Читателю кажется, что это он сам говорит от своего лица, что он — соавтор этого стихотворения и высказывает свои заветные мысли. Сливаются «я» автора и «я» читателя — в этом-то и состоит тайна лирической поэзии. Вспомните, как вы читали, например, блоковские строки: «Я сидел у окна в переполненном зале. Где-то пели смычки о любви. Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, ай». Не правда ли, вы сами себя как бы чувствовали человеком, посылающим эту розу в бокале? А бессмертное пушкинское «Я вас любил: любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем; но пусть она вас больше не тревожит; я не хочу печалить вас ничем...» Читая эти строки, читатель словно сам обращает их к своей любимой. Пусть даже к воображаемой. Пусть он не был в такой вот ситуации — теперь, в этот момент, он чувствует, что и слова эти, и состояние, которое ими выражено, — его собственное! Через это удивительное состояние проходишь, читая самые разные стихи непохожих друг на друга поэтов. Читая истинную серьезную литературу. Это еще раз нам доказывает новая антология любовной лирики.

В своих очах любовь она хранит;  
Блаженно все, на что она  
взирает;  
Идет она — к ней всякий  
поспешает;  
Приветит ли — в нем сердце  
задрожит.  
Так, смутен весь, он долгу лик  
склонит  
И о своей греховности  
вздыхает.  
Надмение и гнев пред нею  
тает.

О донны, кто ее не восхвалит?  
Эти стихи Данте в переводе  
А. Эфроса. Это любовь к чему-то  
недостижимому, любовь-благоговение,  
почти «мистическая». Но поэзия  
знает и иное. Вспомните пла-  
стичное, поражающее подлин-  
ностью, откровенностью стихотворение  
Пушкина «Нет, я не дорожу  
мятежным наслаждением...» С ка-  
кой он страстью и тактом говорит  
о самой интимной стороне жизни.  
А вот нечто совсем иное — снова  
Пушкин:

Но встретясь с ней, смущенный,  
ты  
Вдруг остановишься невольно,  
Благоговев Богомольно  
Перед святыней красоты.

Здесь он старается продолжить  
традицию своих гениальных плато-  
нических предшественников — Дан-  
те и Петрарки. Тут уже преклоне-  
ние перед женщиной, как перед  
каким-то неземным существом,  
исключительно духовное благого-  
вение.

В каких же стихах правда? И в  
тех, и в других. Правда поэзии —  
это правда жизни, а на долю че-  
ловека выпадают удивительные по  
противоречивости и прихотливости  
переживания.

Критерий поэзии — реалистич-  
ность, подлинность, истинность.  
Они — о том, что пережито, а не  
придуманно головой. А если стихот-  
ворение написано кровью, оно бу-  
дет принадлежать векам.

Очень много в русской и миро-  
вой поэзии воистину трагических  
стихов на тему любви. Такой была  
подчас любовь Есенина позднего  
периода. Любовь криком, с надры-  
вом. Это стихи мучительного разла-  
да, а в целом у него спектр пере-  
живаний. От молитвенного платони-  
ческого восхищения до падения в  
черные провалы ужаса, неприязни,  
границей с ненавистью к люби-  
мой. Да, любовь-ненависть —  
есть и такое. И если Есенин пи-  
шет о таком переживании, то уж  
не оставляет у читателя никакого  
сомнения в том, что это так и есть,  
что все подлинно: и то, и это. Вот  
почему он преодолевает, реабили-  
тирует затасканное слово, «вос-  
станавливает его в правах» силой и  
точностью переживания — кровью.  
Самое это слово он употребляет  
редко. А вот у Лермонтова лирика  
окрашена едкой горечью, даже  
саркастической иронией: «Ты рас-  
скажи всю правду ей, пустого  
сердца не жалея; пускай она по-  
плачет... ей ничего не значит!» Это  
сказано по-лермонтовски, по-свое-  
му. Ирония есть и в лирике Мая-  
ковского: «В этой теме и личной,  
и мелкой, перепетой не раз и не  
пять, я кружил поэтической бел-  
кой». Но почему же ирония? Для  
него это болезненная тема, это  
тема жизни и смерти. Но он пре-  
жде гражданском, а вынужден вер-

нуться к чему-то личному, интим-  
ному. Иронией он как бы оправды-  
вает, защищает себя. И в том его  
своеобразие.

«Это хитрая тема! Нырнет под  
события, в тайниках инстинктов го-  
товясь к прыжку...» («Про это»).  
В глубине своего «я» Маяковский  
ощущает силу, имеющую власть  
даже над ним, оратором и трибу-  
ном.

Стихотворение Тютчева «Послед-  
няя любовь» — это уже о любви  
старого человека. Об этом пишет и  
Фет. Еще одна сторона этого уни-  
версального чувства, еще одна  
грань. Прочитайте стихи Тютчева:  
О, как на склоне наших лет  
Нежней мы любим и  
суеверней...

Сияя, сияя, прощальный свет  
Любви последней,  
Зари вечерней!

Любви детской — есть и такая  
грань мировой лирики — посвя-  
щено стихотворение Ярослава Сме-  
лякова «Хорошая девочка Лида». В  
нем получило свое выражение тро-  
гательное и чистое чувство маль-  
чика к девочке:

Недаром на каменных плитах,  
Где милый ботинок ступал,  
«Хорошая девочка Лида», —  
В отчаянье он написал.

Об этом же и стихотворение Кон-  
стантина Ваншенкина «Мальчиш-  
ка». Первое, зарождающееся тре-  
петное чувство очень трудно пе-  
редать. И все же Смеляков и Ван-  
шенкин смогли сказать об этом по-  
своему, сказать точно и убедитель-  
но.

В стихах Александра Прокофье-  
ва — народные песенные интона-  
ции, народная праздничная песен-  
ная красота! Буйная щедрость,  
озорство и русская лихость. Взять  
хотя бы стихотворение «Невеста».

«Земля наши судьбы шутя  
развела:  
Ты сокол, а я дожидаю орла!  
Он выведет песню, как конюх  
коня,  
Без спросу при людях обнимет  
меня.

При людях, при солнце, у всех  
на виду».  
...Гармоники смолкли, почуяв  
беду.  
И я, отступая на прах медунци,  
Кричу, чтоб «Разлуку» играл  
гармонист.

А вот не такое уж большое сти-  
хотворение Николая Тихонова «По-  
любила меня не любовью». Оно  
рассказывает об измене женщины,  
об отношении к этому мужествен-  
ного мужчины. Как много открыва-  
ет оно в характере «тихоновского»  
героя.

Я ударил винтовкою оземь,  
Взял табак и сказал: «Не вино.  
Видно, брат, и сожженной  
березе

Надо быть благодарной огню».

Этот пример еще раз подчерки-  
вает, что отношение мужчины к  
женщине очень индивидуально. Это  
стихотворный роман, почти доку-  
ментальный, история взаимоотно-  
шений двух людей психологически  
точно, выражена подчас через  
внятный жест, деталь.

Так называемая любовная лирика  
захватывает разные сферы жизни  
человека, касается многих проблем  
и аспектов судьбы человеческой.  
Насколько разнообразен мир, на-  
столько разнообразна и эта тема.  
Насколько сложен и многолик и  
причудлив человек, настолько же  
сложна и многолика и причудлива  
любовь. В мировой любовной лири-  
ке каждый найдет свое. Любую  
жизненную индивидуальную ситуа-  
цию, в которую попадает человек,  
он найдет в мировой поэзии, и в  
этой его жизненной ситуации ему  
могут помочь стихи. Чувства под-  
час бывают неопределенны, слож-  
ны и запутанны — стихи помогают  
человеку разобраться в себе, на-  
йти себя, определить свое отноше-  
ние к человеку, к которому он  
привязан. Антология мировой поэ-  
зии о любви читается как энцикло-  
педия, как великая книга чувств.

Цель лирики помочь людям, ищущим  
ответа на мучительные, под-  
час неразрешимые для каждого но-  
вого поколения проблемы. Открыва-  
вая книгу поэзии, человек хочет  
увидеть в ней мудрое и точное сло-  
во, которое поддержало бы его. А  
тот, кто вспоминает о прожитом,  
подводя итоги, раздумывая, где  
ошибся, где был прав, в ней тоже  
находит опору. Мировая любовная  
лирика отразила удивительную, мо-  
гучую способность влечения — ли-  
бо ломать, «крушить» человека, ли-  
бо поднимать его к новым творческим  
высотам. Лирические стихи запе-  
чатлели жизненный опыт огромного  
количества людей, и то, что они  
рассказали о себе в стихах, дает  
читателю силу жить и бороться,  
видеть в дали брезжащий свет и  
стремиться к нему. Вот почему поэ-  
зия о любви не умирает, вот поче-  
му ей, существующей тысячелетия,  
суждено жить вечно.